

матери. Считаем целесообразным выдавать справку, подтверждающую факт рождения ребенка, женщине, родившей ребенка. Данный документ удостоверяет факт рождения живого ребенка определенной, конкретной женщиной, позволяет суррогатной матери подтвердить факт исполнения условий договора суррогатного материнства. В связи с рождением ребенка в организме женщины происходит ряд изменений, поэтому считаем неправильным выдавать справку о рождении ребенка женщине, которая фактически ребенка не рожала. Кроме того, есть вероятность смерти ребенка через непродолжительное время после родов. Данные обстоятельства объясняются рядом факторов как объективного, так и субъективного характера. При наступлении данных обстоятельств суррогатной матери также необходимо наличие данной медицинской справки, так как данный документ станет подтверждением факта рождения ребенка.

С учетом указанного, считаем, что медицинская справка о рождении ребенка, а также все остальные медицинские документы, которые связаны с вынашиванием и рождением ребенка, должны выдаваться непосредственно суррогатной матери.

На практике также может возникнуть ситуация, когда в процессе вынашивания ребенка генетическая мать или женщина, воспользовавшаяся донорской яйцеклеткой, и ее супруг, давший согласие на заключение договора суррогатного материнства, умерли. В случае смерти обоих супругов ставится вопрос о дальнейшей судьбе ребенка, рожденного суррогатной матерью. Полагаем, что при отказе родственников умерших супругов от усыновления (удочерения) ребенка, принятие под опеку и изъятии суррогатной матерью желаний воспитывать рожденного ею ребенка, следует закрепить возможность суррогатной матери признаваться матерью данного ребенка.

Подводя итог, предлагаем закрепить необходимость выдачи медицинской справки о рождении ребенка суррогатной матери и предусмотреть право суррогатной матери установить происхождение ребенка, рожденного по договору суррогатного материнства, в случае смерти женщины, заключившей с ней договор, а также супруга такой женщины (при его наличии), давшего согласие на заключение договора суррогатного материнства, а также отказа родственников указанных лиц от усыновления (удочерения) ребенка, принятия под опеку.

Березняцкая Т. С.

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ
И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ НАРУШЕНИИ
УСЛОВИЙ БРАЧНОГО ДОГОВОРА**

Березняцкая Татьяна Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mir-cop@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Законодатель, устанавливая цели заключения брачного договора и тем самым признавая за ним особую роль в регулировании брачно-семейных

отношений, не решает вопрос об ответственности сторон за его неисполнение или ненадлежащее исполнение. Учитывая, что имущественные, личные неимущественные права и обязанности супругов, родителей регламентируются Кодексом Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), возникает вопрос о допустимости первоочередного применения гражданско-правовых норм при нарушении брачного договора.

Полагаем, следует исходить из двухступенчатой системы определения ответственности сторон брачного договора: сначала должен быть решен вопрос о допустимости их привлечения к семейно-правовой ответственности, затем – к гражданско-правовой.

Проанализировав КоБС, можно сделать вывод, что семейно-правовые санкции предусмотрены за ненадлежащее выполнение родителями своих обязанностей и заключаются преимущественно в лишении либо ограничении семейной правосубъектности. Меры семейно-правовой ответственности, обладающие имущественными признаками, установлены только в сфере алиментных обязательств.

Полагаем, применение семейно-правовой ответственности, состоящей в лишении либо ограничении семейных прав при нарушении условий брачного договора, возможно только в том случае, когда не исполняются или исполняются ненадлежащим образом такие обязанности родителей, предусмотренные брачным договором, которые регламентированы КоБС. Тем не менее при такой ситуации первостепенное значение будет иметь факт неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, регламентированных КоБС, а не положений брачного договора. Нарушение иных условий брачного договора, по нашему мнению, не может влечь наложения рассматриваемых мер семейно-правовой ответственности ввиду несоразмерности тяжести наступивших последствий и последствий от применения соответствующих мер.

Что касается семейно-правовой ответственности в сфере алиментных обязательств, то КоБС предоставляет возможность предусмотреть в брачном договоре ответственность при образовании задолженности по алиментам по вине лица, обязанного уплачивать алименты по такому договору. При этом меры, которые можно закрепить в брачном договоре в указанной ситуации, не приводятся.

В связи с тем, что КоБС не предусматривает специальных мер ответственности за нарушение алиментных обязательств по брачному договору, а договорная ответственность может отсутствовать, интересы лица, в пользу которого должны уплачиваться алименты, нуждаются в дополнительной защите. Учитывая вышесказанное, и то, что КоБС закрепляет законную неустойку при образовании задолженности по алиментам по вине лица, обязанного уплачивать алименты по судебному постановлению (ч. 2 ст. 111¹), предлагаем в КоБС закрепить законную неустойку и при нарушении алиментных обязательств по брачному договору.

Считаем, что институт семейно-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий брачного договора

практически не развит. Существует минимальное количество нарушений, влекущих применение семейно-правовых санкций.

При неисполнении или ненадлежащем исполнении условий брачного договора вопросы ответственности могут решаться посредством субсидиарного применения гражданского законодательства исходя из положений ч. 2 ст. 7 КоБС. Такой подход законодателя видится дискуссионным. Наибольший вопрос вызывает возможность привлечения сторон брачного договора к гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение личных неимущественных обязанностей. В научной литературе ряд исследователей не видят препятствий в применении имущественной ответственности к неимущественным обязательствам. Другие ученые отстаивают недопустимость распространения мер гражданско-правовой ответственности на личную неимущественную сферу отношений. С нашей точки зрения, второе суждение видится более верным, поскольку доказывание неисполнения или ненадлежащего исполнения личных неимущественных обязанностей повлечет излишнее вмешательство в брачно-семейную сферу и может повлечь негативные последствия для интимной атмосферы в семье.

Учитывая вышесказанное, предлагаем в КоБС более детально определить возможность и пределы применения гражданского законодательства к отношениям, вытекающим из неисполнения или ненадлежащего исполнения условий брачного договора, а также усовершенствовать институт законной неустойки за нарушение алиментных обязательств.

Дмитрук П. В.
ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМБРИОНА

Дмитрук Полина Витальевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dmitrukpln@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Дискуссии о правовом положении эмбриона ввиду развития репродуктивных технологий приобретают все большую актуальность. В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон о ВРТ) закреплено, что эмбрион – это ранняя стадия развития живого организма, однако данное понятие не раскрывает в полной мере правовую природу эмбриона. Тем не менее, исходя из определения, можно сделать вывод о том, что законодатель не приравнивает эмбриона к человеку. В научной литературе нет единого мнения о правовой природе эмбриона: эмбрион субъект или объект права.

Полагаем, что проблема определения статуса эмбриона не должна рассматриваться исключительно с точки зрения права. Большое влияние оказывают и биологические особенности развития человека до его рождения, и социальные факторы, и даже религиозные взгляды. Только комплексное